

II. СВІТОВА ТА ВІТЧИЗНЯНА МУЗИЧНА КУЛЬТУРА: СТИЛІ, ШКОЛИ, ПЕРСОНАЛІЇ

Сергей Тышко

НЕСКОЛЬКО ДОПОЛНЕНИЙ И УТОЧНЕНИЙ К КОММЕНТАРИЯМ ИЗ КНИГИ «СТРАНСТВИЯ ГЛИНКИ. КАВКАЗ»

Актуальность темы. Все книги серии «Странствия Глинки»¹ представляют собою своего рода *открытые произведения*², предполагающие активное сотворчество читателя. Ведь не случайно такой знаток вопроса, как М.Гаспаров, замечал по поводу комментария: «Перед текстом (и перед человеком) я чувствую себя немым и ненужным, а перед текстом с комментарием (и перед разговором двоих) – понимающим и соучаствующим» [2, с. 247]. Поэтому автор статьи задался вопросом: возможно ли в таком случае продолжение *открытого текста* уже после выхода книги, в данном случае – самим автором? И, ответив на него утвердительно, посчитал целесообразным выступить, как собственный «соавтор», дополнив по горячим следам последний том, посвященный путешествию юного Глинки на Кавказские минеральные воды летом 1823 года³, суждениями и фактами, основывающимися на наблюдениях современника Михаила Ивановича – офицера и писателя И. Т. Раджицкого. Они изложены в объемной статье «Прогулка к Кавказским Минеральным Водам». Статья примечательна уже тем, что написана по впечатлениям того же лета 1823 года, а в конце ее указано и время окончания: «Август, 1823» [5, с. 456]. В книге я достаточно активно использую эти материалы (особенно первой части статьи, опубликованной в № 44 «Отечественных записок» за 1823 год)⁴, но многое все же осталось за кадром.

Итак, приступаю к диалогу с собственным текстом, не забывая напомнить читателю о том, что в «*смерть автора*», тем более в случае с М. И. Глинкой, – не верю, в центре моего внимания – становление личности юного композитора, а в подтверждение привожу замечательные слова из романа К. Воннегута «Времетраение»: «Люди, способные получать удовольствие от рисунков, отпечатков или тому подобного, редко получают его, если ничего не знают об их авторе. <...> Любое

¹ См.: [8; 9; 7; 6].

² См. об этом явлении подробно: [12].

³ Книга увидела свет в начале 2015 г. – См. : [6].

⁴ См.: [4; 5].

произведение искусства наполовину состоит из разговора между двумя человеческими существами. В разговоре часто нелишне знать, с кем разговариваешь. Известен ли твой собеседник как человек серьезный, верующий, страдающий, похотливый, буйный, искренний, остроумный? <...> Ни одна картина не может привлечь к себе серьезного внимания без некоего образа своего автора, связанного с картиной в мозгу человека, смотрящего на нее» [1].

Нашего будущего автора – девятнадцатилетнего Глинку – судьба привела прямо к подножью Кавказских гор. Сам же Кавказ слыл в пору его путешествия *территорией свободы*. Сколько новых возможностей, не всегда видных из далекого Петербурга, давала эта горная страна для человеческого развития, для полета творческой мысли, неподвластной традиционным и рутинным ограничениям! А горное ощущение высоты, вертикали не могло не повлиять на будущие художественные замыслы Глинки. Обо всем этом подробно говорится в кавказской книге «Странствий Глинки». Но вот еще одно подтверждение того, как горные вершины вызывают мысли о вечном, – на этот раз из уст публициста, побывавшего на Кавказских водах летом 1823 года: «Тут погружаешься невольно в размышления; видишь ничтожность и вместе величие человека; видишь, как эти точки поднимают едва приметную пыль, но вихрь совокупного их действия стирает племена с лица земли! Где девалось прежнее могущество Чингисхана, Тохтамыша, Тамерлана – наводнявших страны сии своими бесчисленными ордами? И те сильные племена Монголо-Татар, от коих трепетала вселенная, и сама Россия стонала под игом их двести лет, ныне рассеянные, едва существуют» [5, с. 208–209]. И какая «взрывчатая смесь» этих горных ощущений и пространственного скачка в «пределы Азии» рождалась в сознании современников Глинки и его самого, конечно, пробуждая творческую фантазию! Вот и писал И. Радожицкий в восхищении: «Я взобрался на самую вершину обнаженной скалы [Железной горы. – С.Т.], <...> какая картина! Я смотрел с удовольствием на все то, что было—ниже меня. Кажется, не только нравственное, но даже механическое возвышение человека на гору дает какую-то пищу самолюбию» [5, с. 437]. И многократно призывал тех, кто путешествовал на Кавказ, к творчеству. К примеру: «Здесь нельзя не восхищаться красотой Природы, нельзя не удивляться ее величию, и всякой, кто несколько может снять подобие ее неподражаемых видов и превращений, не упустит, чтобы приятное впечатление сей картины не изобразить для памяти рукою художника» [5, с. 427–428]. Это могло бы стать неплохой рекомендацией для Глинки, безусловно, наделенного и

дарованием живописца! Тем более, что сами горные пейзажи буквально взывали к любознательности, внимательному наблюдению – к качествам, которые уже интенсивно формировались в юном Глинке и в дальнейшем сопровождали его на протяжении всей жизни. Не случайно заметил тогда Радожицкий: «Горы представляют нам всегда более предметов для внимания и наблюдений; жизнь тут кажется разнообразнее, нежели на равнинах, где вечная монотония наводит скуку, даже уныние. В горах один вид перемены света с тению по скалам и лощинам представляет различные картины, заставляет ими любоваться и занимает мысли продолжительно» [5, с. 438]. И тут же останавливал свой взор на *орлах*¹, которые тем же летом «ширяли» в поле зрения Глинки².

Вообще же созерцание природы Кавказа постоянно занимало внимание юного Глинки во время этого путешествия. Но вот еще одно наблюдение современника перекликается с реминисценцией Глинки по поводу дикого пейзажа, открывавшегося путешественнику на Железных водах, и о густом лесу, который порос диким виноградником и покрывал почти всю Железную гору, на склоне которой и обосновался Глинка. Он наверняка совершал прогулки по этому лесу тем же маршрутом, которым пользовался и Радожицкий. Последний поднимался на гору по прочищенной среди леса дорожке и очаровался: «Кустарник, в живописных группах мешаясь с луговою зеленью и цветами, представлял прелестные виды: клен, ясень, боярышник, дуб, бук, илим, серебристый тополь, бузина, шиповник <...>, казалось, нарочито были насажены для образования природного сада. Дикий, широколистный виноград, переплетаясь по многим деревьям снизу доверху гирляндами и фестонами, представлял иногда красивые беседки, привлекающие странника в густую, прохладную тень свою. К тому премножество разных пестрых цветов, которые можно видеть только в столичных оранжереях, и благоухающая от них атмосфера дополняла прелесть очарования в сем натуральном саду. Если присоединить сюда живописный вид стоящих пред глазами гор <...> и воображением дополнить недостаток каскадов и фонтанов, то это будет – почти Армидин волшебный сад» [5, с. 431–432]. Нет сомнения, что в чем-то этот лес на время заменил Глинке парки и сады, которых

¹ «Над кудрявой вершиною Железной горы по вечерам летает много молодых орлов и коршунов, которые там водятся. Приятно смотреть на них, как они, собравшись стаями, плавно кружатся в разные стороны с распростертыми крыльями». И часто слышен «скрыпучий голос хищных коршунов, витающих в скалах». То же и на Горячих водах: «Близко предо мною плавали в воздухе <...> коршуны с белою поперечною на хвосте полоскою и черные орлики» [5, с. 426, 435, 437–438].

² Здесь и далее сведения из «Записок» М. И. Глинки приведены по изданию: [3, с. 223–225].

тогда так недоставало на водах. А о том, как леса, парки и сады будили творческую фантазию Глинки, нам хорошо известно.

Важно отметить еще одну особенность пребывания на Кавказских водах в то время, когда их посетил Глинка: здесь возникало непривычное ощущение свободы, раскрепощалось творческое сознание и была как нигде заметна удивительная для тогдашней России свобода нравов, пронизывавшая в тамошний быт. И это никак не могло пройти мимо внимания М. И. Глинки. Об этом я подробно писал в книге. Вот еще одно замечание Радожицкого, дополняющее эту картину. На Горячих водах в очереди для получения ванн царило полное равноправие: «кто прежде пришел, тот и занимает ванну, не смотря ни на какое лицо»; «входят в предванную по трое, один за другим, <...> уступают старшим особам только из вежливости», «многие ожидают своей очереди по часу и более», «в общей зале собрания знакомятся и в приятных беседах проводят время нечувствительно» [5, с. 100]. Правда, бытописатель, похоже, не очень доволен, что это счастье длилось недолго; к концу «курортного тура», уже в Кисловодске, ситуация понемногу менялась, возвращаясь на круги своя: «Уже всякий, выходя из немощи человеческой, принимает опять свой вид здоровья и с тем вместе прежнее значение в обществе здоровых по знатности и званию; а потому уже под скромною наружностью простые люди узнают Князей, Графов, знатных и богатых, которым уступают везде по приличию уважения к здоровым» [5, с. 418]. Все-таки прав был Тютчев, когда спустя почти полвека написал:

Певучесть есть в морских волнах,
Гармония в стихийных спорах,
И стройный мусикийский шорох
Струится в зыбких камышах.
Невозмутимый строй во всем,
Созвучье полное в природе, –
Лишь в нашей призрачной свободе
Разлад мы с нею сознаем¹.

Добавлю сюда еще несколько ценных наблюдений И.Радожицкого по поводу курортного быта и времяпрепровождения «водопьющих»², памятуя о том, что юный Глинка – хотел он того или не очень – также погружался в эти реалии Кавказских вод.

¹ Ф. И. Тютчев. «Певучесть есть в морских волнах...» [10, с. 332]. Курсив автора статьи.

² Так Радожицкий именовал посетителей вод [5, с. 411].

В книзі я висказав припущення, що одночасно з приїздом Глінки на води в Кисловодське відкрилася *Ресторація* (дом Благородного зібрання). Тепер можна це утверджувати з повною впевненістю. Діло в тому, що Радожицький побував в тільки що побудованому домі Ресторанції тем же літом 1823 року. Ось як він його описав: «Більший дім для ресторанції <...> своєю архітектурою і величиною на підвищеному місці представляє прекрасний вигляд. Він складається з чотирьох головних кімнат: дамська і чоловіча половини, розділяються загальною залою, а посередині між ними буфетна. Вхід під портиком з колонадою, сходи з білого гладкого плитника <...>; пурпурова кімната дамська і яскравою зеленою чоловіча з меблями червоного дерева, обитою соковитими кімнатами бомбою, вражають приємною зустріччю предметів розкоші віддалених столиць, в пустині, серед гір дикої Кабарди» [5, с. 224].

Глінка, звичайно ж, неодноразово відвідував Ресторанцію, цей своєрідний «ембріон» курорту, – і в силу природної общителістости, і, можливо, з роздумів гастрономічних: «Услужливий Француз-ресторантер зустрічає гостей з усією ввічливістю, і модною мовою пропонує їм все, що може льстити смаку витонченого апетиту і жажди. Смадливі страви і закордонні вина є в надлишку» [5, с. 224–225]¹. Правда, закінчував свої роздуми Радожицький фразою, яку могла прийняти не по душі Глінці: «*Трубки і карти – для чоловіків, музика – для дам*» [5, с. 225]. Тільки ось така музика там могла там звучати? Так і фортепіано на Кислих водах тоді ще не було введено. Але ці недоліки цілком відкупалися танцями! Вони там бували двічі в тиждень, в великій залі. Примітно, що цей зал, по думці спостерігача, був обставлений з виключною розкішшю для тих ще дикіших місць: «Златовидні шпалери <...>, бронзові люстри і лампи <...> вражають новизною явлення» [5, с. 224–225]. А про особливу налаштованість Глінки до танців і його чудовому знанню «танцевальної граматики» свого часу я і мої колеги неодноразово писали.

Треба сказати, що ресторанція була не єдиним місцем спілкування курортників в Кисловодсьці. До таких можна причислити і ванні кімнати (див. вище), і питтєвий джерело нарзана, де нерідко зав'язувалися «романи на водах». Ось що по цьому приводу повідомляв І. Радожицький: «Кожний водопийця приходить до колодезя з своїм

¹ Радожицький обґрунтовує необхідність ресторанції, зокрема, тим, що вона «потрібна для більшості приїжджаючих без кухонь і кухарів» [5, с. 104]. Однак ми знаємо, що Глінка був зі своїм кухарем; але чому б, власне, і не різноманітнити свій кулінарний побут?

стаканом на шнурке, который погружая черпает богатырскую воду, и выпивши две или три порции, стакан вешает на красивый столбик, нарочито для сего сделанный. И тут не без роскоши: являются стаканы серебряные или чистейшего кристалла с позолотою на шелковых шнурочках. <...> Тут услужливый кавалер для прекрасной дамы опускает золотой стакан на шелковом шнурочке, как удочку, в кипящую пучину и <...> подносит ей; отпивши полстакана она отдает ему с улыбкою другую половину. Так здесь являются все невинные затеи любезности; общее удовольствие написано на всех лицах. Возрождение физических сил открывает свободу мыслей, чувств и сердечных ощущений: дружба ищет своего союза между взрослыми, любовь вкрадывается в сердца юные. Румяные лица и быстрые взоры юных особ двух полов, встречаясь между собою при внутренней полноте жизненного огня, открывают магнетическое влияние сердцам своим – являются женихи и невесты; посему неудивительно, что редкий съезд посетителей проходит без брачного союза» [5, с. 418–420]. Впрочем, о возможностях курортной галантности на Кавказских водах и о том, удалось ли ими воспользоваться юному Глинке, я уже подробно написал.

Теперь приведу еще несколько заслуживающих внимания фактов, касающихся местоположения курортов, устройства ванн зданий и питьевых источников, которыми, безусловно, пользовался Глинка во время пребывания на водах.

В «Записках» Михаил Иванович замечает, что на Горячих водах пил из кислосерного источника и также принимал кислосерные ванны. В свое время я установил, что речь идет о *Елизаветинском* источнике. Вот что поведал об этом ключе И.Раджицкий: «На высоте сажен 300¹ от серногорячего ключа [т. е. Александровских и Ермоловских ванн. – С. Т.], там, где начинается от Мечука² накипная гора, находится отдельный домик с ванной из <...> источника кислосерной прохладной воды. Близ домика высечен в горе круглый колодезь, из которого черпают стаканами ту же воду и пьют после горячих ванн. Вкус она имеет кисловатый с запахом порченных яиц; а потому немногие сначала могут ее пить не морщившись» [5, с. 202]. Как видим, все было обустроено куда примитивнее, чем в Кисловодске. Не говоря уже о дурном запахе воды; а до целительного и приятного на вкус кисловодского нарзана нужно было еще прожить несколько недель! Однако перед Кисловодском предстояло еще посетить

¹ Около 150 метров.

² Имеется в виду г. Машук.

Железные воды – место, своєю дикостью поразившее¹ и, возможно, пленившее юного романтика Глинку. Действительно, здесь в ту пору еще не было «почти никаких устройств и пристанища для посетителей» – существовал лишь «казенный дом о восьми комнатках с простою мебелью». Вся тесная площадка на половине Железной горы «установлена была кибитками и колясками; казенный дом и солдатские шалаши наполнялись приезжими»². Столь же проста была небольшая и единственная ванна, представляющая собою выложенный камнем водоем длиной до 3-х метров и глубиной чуть более метра, куда «при великом съезде посетителей садилось <...> от 4 до 6 человек». Над ванной был сделан плетневый шалаш, покрытый камышом [5, с. 423–424, 428]. Нельзя сказать, что все это соответствует современным представлениям о санитарии и комфорте, и трудно себе представить, насколько такие купания пришлись по душе Глинке. Однако Радожицкий, описывая местную природу и замечая, что она «представляет глухую, безмолвную, страшную дичь», все-таки восторгался ею и считал, что «местоположение превосходное, какого нет ни в Мечуке³, ни в Кисловодске» [5, с. 425–426].

А на Кислых водах путешественника ожидали совершенно новые впечатления: другой климат, свежий и чистый воздух, яркая зелень природы и развеселое времяпрепровождение. Современник Глинки писал об этом контрасте: «Здесь иная сфера жизни, особенная деятельность в посетителях, возрождающаяся свежесть в лицах, бодрость, разговорчивость; между тем, как в Мечуке видишь все бледные, томные лица, медленную подвижность, совершенное удаление от житейских удовольствий. Там обитель смирения, здесь долина радости. Там смиренно проходят чрез серные протоки, оставляя в них поврежденную оболочку существа своего; здесь как будто воскресают с новыми силами и, освежаясь юношескою бодростью, продолжают поприще жизни с новою приятностью» [5, с. 218–219]. И подвел итог этим «хождениям по Водам» следующим образом: «Здесь человек, подлинно, может переходить из одной жизни в другую. В одних бассейнах они очищают и утончают поврежденные соки и кровь, в других укрепляются, принимая свежесть юности, – из третьих черпают для себя оживление – новое бытие» [5, с. 449]. Правда, Глинка, как это затем не раз случалось в его жизни, не

¹ См. «Записки» Глинки.

² Но и это примитивное жилье обходилось непомерно дорого – «с каждого в сутки брали по 5 рублей за пристанище, где бы то ни было» [5, с. 424].

³ В Пятигорске.

укладывался в вышеприведенную лечебную психо-физиологическую схему. Но об этом я подробно рассказал в книге.

Известно, что переезды Глинки с одного кавказского курорта на другой осуществлялись в условиях перманентной Кавказской войны и были небезопасны¹. Ведь не случайно он замечает в «Записках»: «Помнится, ехали с конвоем и пушкою, что объясняется тем, что в следующем 1824 году черкесы учинили сильное нападение и вырезали несколько близлежащих деревень». И действительно, летом 1823 года И. Радожицкий путешествовал по этим дорогам по конвоем пехоты и пушки. Два раза в неделю экипажи собирались в караван и с «общим конвоем конновооруженных козаков» отправлялись в путь, где к ним присоединялась и пушка; при этом экипажи были «принуждены ехать почти шагом», и такая медлительность не нравилась путешественникам [5, с. 211, 212, 214, 218]. Однако в пути появлялось и ощущение опасности (часто иллюзорное), которое четверть века спустя повторится с Глинкой во время странствований по дорогам Испании. Приметливый его современник наблюдал эти ощущение в дороге с одних кавказских вод на другие: «Дикость места, возвышающиеся над дорогою крутизны гор с ущельями, к тому разные слухи о хищниках, и большой конвой вооруженных, пред глазами со всех сторон увеличивают мнимые ужасы мест сих и делают на робких, особенно нежного пола, неприятные впечатления. Прижавшись к углам своих карет, они воображают видеть из каждого ущелья, из каждого кустарника выскакивающих Черкесов с саблями, и беспокоятся – от собственных мечтаний» [5, с. 212].

Что касается *бальнеологии* (лечения ваннами), то она, как я уже писал, на Кавказских водах в случае с Глинкой привела к неоднозначным результатам, причем трудно ответить на вопрос, что тут перевешивает – позитив или негатив? Впрочем, некоторые наблюдения И. Радожицкого по поводу медицинского режима пользования водами позволяют кое-что уточнить.

Во-первых, Глинка жаловался на то, что в Пятигорске его «варили» в чрезмерно горячей ванне, а воду не разводили более прохладной. А ведь буквально пару лет спустя разбавлять воду до приемлемой температуры стало нормой! Сейчас можно утверждать, что и в 1823 г. эта норма уже соблюдалась. В том году современник Глинки писал, что «немногие берут

¹ Из Горячеводска на Железные воды приходилось ехать по пригодной для больших экипажей объездной дороге (35 верст, – так же далеко, как и до Кислых вод). И лишь немногие смельчаки отваживались проехать по прямой дороге длиною 12 верст. На те же 35 верст растягивалась и дорога от Горячих вод до Кисловодска [5, с. 209, 421].

ванни цельные, но большею частию разводные»; поэтому «опускаясь в ванну, вода кажется нестерпимым кипятком, но усевшись в ней, теплота нечувствительна и приятна». Некоторые даже посещали ванны с термометром и часами – «для наблюдения, по предписанию Медика, степени теплоты и продолжения времени» [5, с. 100–101].

Во-вторых, противоречивую реакцию организма Глинки на лечение кавказскими водами, плохое самочувствие и т. п., жалобы на которые содержатся в тексте «Записок», могли спровоцировать нарушения режима приема ванн и злоупотребление их количеством. В книге я предположил, что медицинские рекомендации по этому вопросу к 1823 году еще не устоялись. Подтверждения на этот счет находим в статье Радожицкого. Там он описывает случаи чудесных исцелений, состоявшиеся на Горячих водах летом 1823 года, о которых узнавал, что называется, из первых уст. Так, один тамбовский помещик вылечился от ревматизма, получив 40 ванн за сезон; орловский купец приехал на воды с парализованными ногами и после 80 (!) ванн стал ходить; офицер, передвигавшийся на костылях, «после 20 ванн, бросил костыли, а взявши 80, вовсе исцелился» [5, с. 95–96]. Несомненно, в каждом из этих случаев мы сталкиваемся с чудовищным перебором в количестве принятых ванн по сравнению не только с современными медицинскими рекомендациями, но и с правилами, устоявшимися уже во второй трети XIX века. Но никакой гарантии, что подобные злоупотребления (хотя бы и в смягченном виде), в 1823 году, не были применены к весьма болезненному Глинке, существовать не может.

В заключение замечу, что голоса современников Глинки создают ту неповторимую среду, в которой звучал голос самого композитора – будь то музыкальные сочинения, мемуары или эпистолярный жанр. А задача автора статьи в данном случае состоит в том, чтобы впустить их свой текст и осмыслить, возможно, и как явление стилевое. В связи с этим многозначительно звучит метафора из письма А. А. Фета Я. П. Полонскому: «В своих переводах я постоянно смотрю на себя как на ковер, по которому в новый язык въезжает триумфальная колесница оригинала» [11, с. 761].

1. *Воннегут К. Времетрасение / Перевод с англ. В. А. Обручева и И. В. Свердлова // [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.lib.ru/INOFANT/WONNEGUT/timequake.txt>*
2. *Гаспаров М.И. Записи и выписки / М. И. Гаспаров. – М. : Новое литературное обозрение, 2001. – 416 с.*
3. *Глинка М. И. Записки / М. И. Глинка // Глинка М. И. Полное собрание сочинений. Литературные произведения и переписка: в 2-х т. – М. : Музыка, 1973. – Т. I: Литературные произведения [подгот. А. С. Ляпунова]. – С. 211–350.*

4. [Радожницкий И.] Прогулка к Кавказским Минеральным Водам // Отечественные записки. – СПб. : В типографии В. Плавильщикова, 1823. – Ч. 16, № 44, декабрь 1823. – С. 387–411.
5. [Радожницкий И.] Прогулка к Кавказским Минеральным Водам // Отечественные записки. – СПб. : В типографии В. Плавильщикова, 1824. – Ч. 17: № 44, 45, 46. – С. 91–104, 202–225, 411–456.
6. Тышко С. В. Странствия Глинки. Комментарий к «Запискам»: в 4-х ч. / С. В. Тышко. – К. : ЛАТ&К, 2015. – Ч. IV: Кавказ. – 244 с.
7. Тышко С. В., Куколь Г. В. Странствия Глинки. Комментарий к «Запискам»: в 4-х ч. / С. В. Тышко, Г. В. Куколь. – К. : Тип. Клякса, 2011. – Ч. III: Путешествие на Пиренеи, или Испанские арабески. – 542 с.
8. Тышко С. В., Мамаев С. Г. Странствия Глинки. Комментарий к «Запискам»: в 4-х ч. / С. В. Тышко, С. Г. Мамаев. – К., 2000; переиздание: К. : Радуга, 2005. – Ч. I: Украина. – 214 с.
9. Тышко С. В., Мамаев С. Г. Странствия Глинки. Комментарий к «Запискам»: в 4-х ч. / С. В. Тышко, С. Г. Мамаев. – К. : Задруга, 2002. – Ч. II: Глинка в Германии, или Апология романтического сознания. – 509 с.
10. Тютчев Ф.И. Певучесть есть в морских волнах... / Ф. И. Тютчев // Стихотворения. – М.-Л. : Советский писатель, 1969. – С. 332.
11. Фет А.А. Письмо к Я.П.Полонскому 23 января 1888. - А. А. Фет. Полное собрание стихотворений. Вступ. статья, ред. и примечания Б. Я. Бухштаба. – Л. : Сов. писатель, 1937. – С. 761.
12. Эко Умберто. Открытое произведение / Умберто Эко / Пер. с итал. А. Шурбелева. – М. : Академический проект, 2004. – 384 с.

Тышко Сергей. Несколько дополнений и уточнений к комментариям из книги «Странствия Глинки. Кавказ». Статья дополняет новыми фактами и их интерпретацией текст недавно увидевшей свет книги автора «Странствия Глинки. Кавказ», посвященной путешествию М. И. Глинки, предпринятому летом 1823 г. Эти уточнения, почерпнутые из наблюдений современника композитора тем же летом, касаются восприятия горного Кавказа как территории свободы в широком спектре их влияния на повседневную жизнь тамошних Минеральных вод, сведений о ваннах зданиях и питьевых источниках, которыми пользовался Глинка, об успехах и неудачах предпринятого водолечения.

Ключевые слова: открытое произведение, комментарий, свобода, повседневный быт, водолечение, минеральные источники.

Тишко Сергій. Декілька доповнень і уточнень до коментарів з книги «Подорожі Глінки. Кавказ». Стаття доповнює новими фактами і їх інтерпретацією текст нещодавно надрукованої книги автора «Подорожі Глінки. Кавказ», присвяченої подорожі М. І. Глінки, здійсненій влітку 1823 р. Ці уточнення, почерпнуті зі спостережень сучасників композитора тим же літом, стосуються сприйняття гірського Кавказу як території

свободи в широкому спектрі їх впливу на повсякденне життя тамтешніх Мінеральних вод, відомостей про ванні будівлі і питні джерела, якими користувався Глінка, про успіхи та невдачі початого водолікування.

Ключові слова: відкритий твір, коментар, свобода, повсякденний побут, водолікування, мінеральні джерела.

Tyshko Sergei. Several additions and refinements to the comments from the book «Wanderings of Glinka. Kavkaz». Article complements new facts and their interpretation of the text of the recently saw the light of the author of the book «Wanderings of Glinka. Kavkaz» dedicated to the journey of Glinka, taken in the summer of 1823. These refinements gleaned from observations of contemporary composer that summer relating to the perception of the Kavkaz mountain as a territory of freedom in a wide range of their influence on the daily lives there the mineral waters, information on bathrooms buildings and drinking water sources used by the Glinka, successes and failures attempted hydrotherapy.

Key words: open composition, commentary, liberty, everyday life, hydrotherapy, mineral springs.

Инна Тимченко-Быхун

СРЕДОТОЧИЕ ЭЛЕГИЧЕСКИХ СМЫСЛОВ ФОРТЕПИАННОГО ИНСТРУМЕНТАЛИЗМА М. ГЛИНКИ: НОКТИЮРН «РАЗЛУКА» И «ВАЛЬС-ФАНТАЗИЯ»

«В судьбах отдельных жанров, в их соотношении, в их взаимосвязях воплощаются не только особенности того или иного типа художественного мышления, но и умонастроение эпохи, существенные моменты духовной истории общества», – эти слова Л. Фризмана адресованы жанру литературной элегии [20, с. 73]. «„Грустное содержание“, – замечает автор, – <...> становится для романтиков <...> некой доминантой, проникающей во все и на все налагающей неизгладимый отпечаток» [20, с. 73–74]. Действительно, элегия в эпоху романтизма будто перешагнула границы жанра, обретая статус способа видения и понимания мира¹ – что проявилось в первую очередь, в поэзии и в музыке. М. Глинка создает музыкальную поэтику русской элегии, формирует ее языковые средства, ее интонацию². Элегическая образность начинает формироваться еще в его ранних романсах, с 1832–1833 годов

¹ С. Аверинцев обобщает подобное романтическое мировосприятие высказыванием «байроническая скорбь прошлого века» [1, с. 17].

² См. об этом статью автора: [17].